

## Новая жизнь наступила

«Через 200—300, наконец, тысячу лет, — дело не в сроке, — наступит новая счастливая жизнь. Участвовать в этой жизни мы не будем, конечно. Но мы для нее живем теперь, работаем, страдаем, мы творим ее, и в этом единственная цель нашего бытия, если хотите — наше счастье». Так говорит Вершинин во 2-м акте чеховских «Трех сестер».

Так мечтала российская интеллигенция 30 лет тому назад. Вершинины представляли наиболее благородную, мыслящую и чувствующую часть этой интеллигенции. Но даже Вершинины в редкие минуты своих прозрений в будущее не шли дальше эстетических, овеянных грустью размышлений. Я помню, с каким воодушевлением, с каким глубоким волнением наш театр готовился к премьере этой замечательной пьесы Антона Павловича Чехова, отражавшей всю грусть, всю беспробудность тогдашней тяжелой русской действительности.

25 ноября был мой творческий вечер. На сцене вновь шли эпизоды из чеховских пьес. Но я испытывала совсем иное чувство. Я чувствовала себя не только актрисой Художественного театра, но и гражданкой великой страны, которая в своей практической, строительной работе далеко превзошла мечты Вершинина.

При мысли о том, что мне довелось быть не только свидетельницей, но и участницей строительства социалистической жизни, о которой покойный А. П. Чехов так страстно мечтал, — меня охватывает огромная, окрыляющая радость.

Антон Павлович очень любил жизнь, жизнь вообще, жизнь с большой буквы. «Но нашу жизнь, русскую, уездную, обывательскую я терпеть не могу», — говорил он устами Астрова во 2-м акте «Дяди Вани». Эти слова прекрасно выражали мысли самого автора. Меня охватывает скорбь, когда, оглядываясь на окружающую действительность, я вспоминаю А. П. Чехова. Почему не дожид он до уничтожения этой уездной душной, смрадной жизни? Почему не может он взглянуть на нашу нынешнюю жизнь!

До революции я четыре раза была свидетелем выборов в так называемый «российский парламент», в Государственную думу. Может быть, так называемое «общество» и волновалось по поводу этих событий. Но меня эти выборы совершенно не касались и не затрагивали. Я знала, что выборы эти подтасованы правящими классами и в то же время сознавала свое бессилие. Я понимала, что мои протесты ничего не изменят и ни к чему не поведут.

Помню также сцену, которую я наблюдала в 1911 или 1912 году в Лондоне во время освобождения знаменитой суфражистки леди Панхерст из тюрьмы. Движение в центре города приостановилось, улицы и площади были запружены десятками тысяч вышедших на улицу женщин. Но на окраинах, где жил рабочий люд, это событие не произвело никакого впечатления. Я наблюдала на Западе, как проходят выборы в парламент. Но дело в том, что одна из борющихся сторон — буржуазия — владеет там всеми материальными средствами давления на массы и широко использует их в борьбе против трудящихся.

Наблюдая и впервые активно участвуя в кампании по выборам в Верховный Совет

СССР на основе Великой Сталинской Конституции, я вижу совершенно иную картину. Прежде всего, у нас нет деления на активно участвующих в предвыборной кампании и «наблюдающих» ее со стороны. Я наблюдаю, но в то же время активно участвую во всех стадиях подготовки моего Фрунзенского района к знаменательному дню — 12 декабря. Я чувствую, ощущаю биение народного пульса во всех многочисленных собраниях, митингах, демонстрациях. Я знаю, что все граждане нашей страны понимают значение предвыборной кампании. Голосуя за лучших людей страны, они борются за социалистическое строительство.

Я уже говорила об отношении А. П. Чехова к «уездной» России. Под этим названием следует понимать не только бывшую провинцию. «Уездного» было очень много и в Москве, и Петербурге, и в жизни так называемого «общества». Когда я собиралась поступить на сцену, ближайшие друзья моей семьи говорили: «А вам, Оленька, придется уйти из нашего круга и больше с нами не встречаться». Таково было отношение к профессии актрисы до революции.

★

Ничто так не воспитывает в духе непримиримости, в духе активного участия в строительстве нашей социалистической жизни, как непосредственное наблюдение жизни наших врагов. В годы гражданской войны часть труппы Художественного театра случайно застряла на территории, занятой белогвардейцами. Вспоминаю, как мы с Василием Ивановичем Качаловым гуляли как-то вечером по улицам Одессы. При виде ликующих расфранченных дельцов, флажированных по улицам города, окраины которого были во власти нищеты, голода и белогвардейского террора, я сказала Василию Ивановичу:

— Вот эта занятая белыми Одесса является лучшей школой большевизма. Какой же мыслящий человек при виде всех этих мерзостей не станет решительно на сторону большевистской революции!

Жизнь наша изменилась за 20 лет до неузнаваемости. Мы все знали до революции Ивана Михайловича Москвина как замечательного актера русской сцены. Но он был таким же, как и все мы, человеком, далеким от всякого участия в политической жизни. Теперь — и мы все советские актеры этим гордимся — Москвин один из передовых и популярных общественных деятелей нашей страны. Не только зрители театра, но и вся наша страна знает Москвина как одного из замечательнейших граждан СССР. Чувство радости наполняет меня три мысли, что 12 декабря я пойду выбирать в Совет Союза моего товарища по сцене и однокашника по театральной школе Ивана Москвина. Этот кандидат в депутаты Совета Союза носит звание народного артиста СССР. Это значит, что в нашей стране искусство впервые в истории стало подлинным достоянием всего народа. И подлинно народным актером является участник спектакля «Три сестры», в котором один из героев мечтает о новой жизни только «через 200—300 лет»! Он ошибся, этот герой. Новая жизнь уже наступила.

Народная артистка СССР  
Ольга КНИППЕР-ЧЕХОВА